

сознания, его образцов, шаблонов, кодов массового восприятия и поведения, алгоритмов действия, труд по их хранению, переработке в оперативные утилитарные схемы, по их распространению в массах. Категория лиц, специально занятых выполнением этих задач («творцы», «интеллектуальное сообщество» в терминологии теории социокультурной динамики А. Моля) относительно немногочисленна и не охватывает полностью все множество работников умственного труда. Социокультурный цикл, обеспечивающий культурную динамику общества, нуждается также в мощном блоке средств массовой коммуникации (mass-media), к которому А. Моль отнес печать, радио, телевидение, кино, систему образования.

Кардинальные изменения в механизмах культуры, в научном и научно-техническом оснащении символического производства (компьютеризация, опережающий рост средств массовой коммуникации, инновационные технологии социального управления, массовизация высшего образования и др.), проникновение индустриальных форм в производство идей и представлений обусловили смещение центра символического производства от неорганизованных свободных интеллектуалов («творческой интеллигенции») к упорядоченным структурам (интеллектуальным корпорациям, think tanks).

Однако сам термин еще не умер. Он живет в заботливо поддерживаемом общественном мифе об особой роли «творческой интеллигенции». Власть эксплуатирует этот миф, постоянно предъявляя населению, электорату узнаваемых, «хорошо раскрученных» представителей интеллектуальных профессий в качестве «лица демократии» и «совести эпохи», созывая съезды «творческой интеллигенции», назначая общественные палаты, комиссии, коллегии для одобрения разнообразных гуманитарных проектов, акций и программ, камуфлируя этим свои реальные цели и интересы.

К ПРОБЛЕМЕ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА В НЕСТАБИЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Курьянова И.А.

г. Симферополь, Украина

В нестабильные периоды «созерцания и хаоса», наступающие в период революционных изменений в обществе и характеризующиеся распадом, потерей центростремительной идеологии, культура становится важнейшей фундаментальной частью бытия. Духовными центрами становятся отдельные личности, вырвавшиеся из подчинения безликим силам традиционных форм мышления и поведения. Философия возвращается к своему предназначению, а философствование становится культурной доминантой переходной эпохи, выступая в основном в бытийной и ситуативной форме сознания – в форме практического философствования субъектов. Исследование разнообразных форм такого личностного философского творчества, опыт философской интерпретации проблем, с которыми сталкивается перестраиваемое общество, позволяет выделить аттракторы, определяющие траектории дальнейшего движения системы культуры.

Близкой нам переходной культурой является культура серебряного века, находящаяся между двумя относительно стабильными культурными полосуками. Самым значительным и плодотворным её явлением стала философизация искусства. Кризис порождает естественное недоверие к возможностям логических научных форм познания и объяснения мира и ведёт к усилению чувственно-образного начала. Образ «приходит на помощь» к понятию в непосильной для него функции постичь и выразить изменчивость жизни. Искусство, как наиболее «чувствительная» и быстро реагирующая форма сознания, становится художественно-философской моделью мира, отражающей наиболее универсальные проблемы человеческого бытия, потому, мы рискуем утверждать, что полноценное познание сложной социальной ситуации возможно только на путях синтеза художественного и философского мышления.

«Этика ответственности», всегда свойственная по-настоящему талантливым людям, рождает у них желание не только философски осмыслить происходящее, но и потребность творчески преобразить саму действительность, что выражается в жизнетворчестве – в целостном деятельно-творческом бытии личности, воздействующем на окружающий мир, даруя ему Красоту и Гармонию. Художник, созидая поэму не в искусстве, а в жизни стал законченным явлением в ту пору, когда «дар жить» ценился неизмеримо больше, чем дар творить, утверждал В. Ходасевич. Тесное единение жизни и творчества, понимание культуры как сферы присутствия, участия и ответственности человека перед миром – эта особенность именно славянского типа художников-философов ярко проявилась в культуре серебряного века.

Разнообразные варианты философско-художественного способа освоения действительности сложились в творчестве А. Белого, Вяч. Иванова, В. Розанова, Д. Мережковского, Н. Бердяева, В. Соловьева, А. Скрябина. Символисты первыми выдвинули идею совершенного искусства именно как теургии – «делания», но по признанию А. Белого, не преуспели в этом, так как никто из них не сделал последнего шага для реального выхода искусства в жизнь, «застыв в тоске и нерешительности» перед «зоной хаоса жизни». По нашему мнению, это удалось сделать близкому к символистам поэту и художнику крымчанину-киммерийцу Максимилиану Волошину, построившему в Коктебеле Дом для жизни Культуры в губительное для неё кризисное время, и воплотившему в жизнетворчестве своем в реальность стен Дома Творчества основные идеи времени – Всеединства и Соборности. Жизнетворчество М. Волошина является примером реального «ответа» творческой личности на «вызов» истории, демонстрирующим вариант выхода из ситуации социокультурного кризиса.

Опыт жизнестроительства творцов культуры серебряного века позволяет осознать, какую важную роль в деле сохранения и развития культуры в условиях хаоса нестабильности способна сыграть цельная, свободная и ответственная творческая личность. Поскольку русская и украинская культура перманентно находятся в ситуации нестабильности, возрастает необходимость изучения подобных феноменов.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Лыкова В.В.
г. Курск. Россия

Проблема социальной, особенно исторической, памяти актуализируется во всех современных обществах, в связи с тем, что структурно меняется механизм накопления, использования и передачи социокультурного опыта, конструирующей трансформационные процессы. Особенно непросто процессы трансформации протекают в России, как в связи со сложностью социальной структуры и глубиной преобразований, так и осуществлением проектов, противоречащих прошлому опыту.

В социальной памяти непрерывно осуществляется взаимодействие прошлого- настоящего – будущего. Невероятное ускорение истории приводит к «сокращению настоящего», взрывному разрастанию прошлого и проектам влияния на будущее. Резко увеличивается, прежде всего, объем недавнего прошлого, который нужно осмыслить, свернуть в социальные матрицы, закодировать. Особенно трудно это сделать с прошлым, когда оно ценностно отрицается настоящим. Победившие социальные группы (и их элиты), используя профессионалов в сферах знания и информации, пытаются перекодировать прошлое, акцентируют внимание на негативных явлениях, на антигуманности событий прошлого, стремясь вызвать по отношению к нему отрицательные эмоции, т.к. именно через позитивные эмоции восстанавливается связь с прошлым.

Подобное конструирование может оказаться эффективным только в том случае, если внедряемое не противоречит архетипическим ценностям, разделяемым большинством. В противном случае, либо начнется «война историй», которая вполне может завершиться гражданской войной, либо из социоисторического творчества выводится часть населения страны, возможно, значительная, что при современной глобальной динамике вызовет замедление темпов развития (застой) и, тем самым, обострение борьбы за наиболее эффективный вариант будущего, следовательно, вновь переписывание прошлого с целью «укоренения».

Однако функции социальной памяти остаются все теми же, как их выделил М.Хальбвакс в 1925 году: сохранение единства сообщества и трансляция общего опыта, а не восстановление исторических событий в их «подлинном» виде. Поэтому в исторической памяти постоянно идут процессы переинтерпретации прошлого (прежде всего, в интересах доминирующих социальных сил), которые с неизбежностью сопровождаются его приукрашиванием - мифологизацией, вплоть до фальсификаций. Главное в процессе конструирования прошлого, во-первых, не расколоть общество и не противопоставить друг другу социальные слои и группы (как в синхроническом, так и диахроническом срезе). Во-вторых, вовлечь в социо-исторический процесс как можно большее количество людей, делая для них социальную динамику осмысленной и эмоционально близкой, через восстановление «связи времен».

В этом случае необходимо, прежде всего, гуманитарной интеллигенции выделить некий конструкт позитивных оцениваемых, взаимосвязанных исторических событий и персонажей, позволяющих интегрировать общность. Его нет необходимости создавать заново, многочисленными социологическими опросами в современной трансформируемой России выявлен довольно устойчивый круг значимых исторических событий и лиц. Отрицать, разрушать его непродуктивно, воздействовать необходимо «точечно», постепенно расширяя границы памяти за счет включения новой, чаще всего альтернативной информации о прошлом, апеллируя к чувству гуманизма, сострадания к «потерпевшим» в истории.

В сегодняшней исторической памяти, как россиян, так и граждан не только постсоветских государств, но и всех стран «советского блока», обязательно присутствует советское прошлое в качестве неизбежного, а иногда центрального элемента структуриации памяти. Однако попытка создания из советского прошлого «исторического пугала», негативного ядра для самоидентификации, вызывает у одних стремление забыть все «совковое» и грозит потерей своей идентичности и очень продуктивного, хотя и неоднозначного, социального багажа. Другие, по преимуществу русские, на которых возложен непомерный груз вины за исторические ошибки всех и элиминировано право на достойное существование в будущем, начинают ностальгировать и идентифицировать себя с советским прошлым, при этом идеализируя его, возрождая самые архаические и агрессивные идентичности.

В массовой исторической памяти россиян начинаются самоорганизующиеся процессы конструирования новой, интегрированной идентичности. Можно указать на процессы возрождения исторических событий и лиц в локальной исторической памяти, осуществляемой, кстати, при значительной активности местных властей. Весьма значимыми для людей остается семейная память, в которой особенно сильна эмоциональная связь с предками, где примирение с прошлым идет в наиболее гармоничной и личностной форме. Хотя сегодня фиксируется массовое возрождение интереса к семейной и личной истории, без поддержки со стороны властных органов и особенно профессионалов-историков, реализовать его сложно, т.к. семейная память существует в виде «живой истории» и держится без специальных социальных проектов не более 2-3 поколений.